

Валентин ПИКУЛЬ:

ВИЖУ

ИСТОРИЮ В ОБРАЗАХ

Еще совсем недавно имя Валентина Пикуля было мало кому известно, а сейчас книги его быстро расходятся, хотя они издаются массовыми тиражами. Писатель награжден орденом Трудового Красного Знамени. Он признан. Он популярен.

Наша отечественная литература знала и знает немало писателей, разработавших историческую тематику. Но В. Пикуль занимает среди них свое место.

Сколько людей прошло мимо старого зеленого дома на маленькой треугольной площади в тихой Лиенае и не увидело в нем ничего, кроме магазина электротоваров! А В. Пикуль увидел... дореволюционное кафе, очаровательную официантку, услышал шорох накрахмаленного передника Анны Ревельской, русской разведчицы, которая провела знаменитую операцию против кайзеровского флота на Балтике в первую мировую войну (роман «Моонзунд»).

Писатель в своих романах предстает перед нами не только как художник, но и как знаток истории, политики, дипломатии, военного искусства, словом, человек большой культуры.

Каково же было мое удивление, когда при встрече Валентин Саввич сказал:

— Благожелательные критики, я уже не раз говорил об этом, иногда пытались отлакировать мою литературную судьбу, рассказывая читателям, что «у Пикуля нет законченного образования — ни исторического, ни филологического». Между тем жизнь сложилась так, что я навсегда остался самоучкой, и виной тому война!

Валентин Саввич родился в Ленинграде.

— По отцу, который был крестьянином, а потом матросом и погиб под Сталинградом, я потомок буйных гайдамаков, — говорит он. — По матери — из псковских крестьян. Именно от своей бабушки Василисы Минаевны Карениной, память о которой сберегу на всю жизнь, я перенял вкус к удивительным речевым оборотам русского языка.

Война грянула, когда Валентин Пикуль успел окончить лишь пять классов. Из осажденного Ленинграда, где он тушил немецкие зажигалки на крышах и мечтал о фронте, его эвакуировали в Архангельск. В четырнадцать лет он бежал из дома в школу юнг на Соловках, а с пятнадцати воевал на Северном флоте, деля со взрослыми все тяготы войны. Ему было семнадцать, когда кончилась война. Юный матрос оказался на перепутье: что делать дальше?

Это был уже сложившийся человек. Война помешала ему окончить среднюю школу, зато многому научила. Научила стойкости и мужеству, без которых невозможно стать человеком, не говоря уж о том, чтобы подняться до вершин знаний. Книги сыграли особую роль в его судьбе.

— Как-то мне попалась в руки унылейшая книга о боевой жизни на миноносцах Северного флота. Я прочел ее и возмутился: «Если бы у нас в бригаде эсминцев воевали так, как здесь написано, так черта с два мы бы победили! Пусть я сдохну, но напишу лучше... Во всяком случае — честнее!»

Он сел за роман.

Но этот роман, как и два следующих, не увидел света.

— Я жил на чердаке и сильно нуждался. Помню, провел всю ночь на промерзлой кухне, изучая разгромную рецензию и мучительно соображая, что делать. И все же решил: буду писать.

Утром он сунул в печку все три романа и сел писать четвертый. Это был «Океанский патруль», первая его книга, увидевшая свет.

— Я скоро убедился, что стал автором одной книги, но

еще не писателем. Требовались годы труда и постоянной учебы. Хорошо, что я понял это.

Еще во время работы над первой книгой В. Пикуль начал изучать историю Севера, где воевал. Чисто любительский интерес к этому суровому краю постепенно перерос в изучение общей истории, которое продолжается по сей день.

Его трехкомнатная рижская квартира, заставленная книжными полками и стеллажами (самому приходится «искать место, где спать»), дает представление о титанической работе, которую он ведет. В са-

мой большой — издания по искусству от пола до потолка. Маленькая завалена книгами (есть среди них редкие) настолько, что негде повернуться. В средней — стеллажи с папками и ящики с картошкой. Для письменного стола с трудом нашлось место. В папках — портреты людей прошлого и отдельно сведения о них, словом, история в образах и рассказах.

— Легче всего написать роман об известной исторической личности, — говорит он. — Но я считаю, что надо поднимать пласты истории еще не освоенные, забытые.

Говорит он быстро, горячо, подчас слова не успевают за лавиной мыслей и чувств. Взгляд его больших карих глаз пронзительен, порой тягловат. А смеется он заразительно, искренне, как ребенок. Кажется, ему трудно усидеть на месте. Начав фразу в одной комнате, он нередко заканчивает ее в другой.

Сухие документы архивов, справки и живопись — вот, в сущности, главные источники его творчества. У него богатая картотека и огромная коллекция портретов, которые он собирает более 30 лет.

— Собрание портретов и картотека для меня неразделимы, — говорит Валентин Саввич. — Они дополняют друг друга. Иногда бывает так, что именно найденный портрет подсказывает мне то, чего не хватало в массе собранных материалов.

Портрет русского вельможи Шувалова, суконных дел мастера или прекрасной дамы, фотография фрески в соборе или вид надгробия помогают ему проникнуть сквозь время и живо представить обстановку и характеры людей далеких стран и эпох.

Он говорит о людях прошлого, как о своих знакомых, с которыми только что расстался. Может часами рассказывать о том, каким был князь Горчаков или поэт Тютчев, какие у них были характерные выражения и жесты.

По три месяца в году Валентин Саввич проводит в поисках новых материалов, уточняет эпизоды и даты, прослеживает генеалогические связи.

— Я вообще люблю генеалогию, науку точную, как математику — Изучая ее, я как бы прохожу через главные события русской истории. Систематически получаю из «Ленинки» и других крупных книгохранилищ фотокопии русских книг и сам печатаю с них снимки.

— Обдумывая роман, я пользуюсь клочками бумаги, делаю выписки, а потом раскладываю их. И когда вижу, что получается что-то, сажусь за машинку. Работаю я так часов с пяти вечера и до двух ночи. Потом наступает резкий спад, и я начинаю готовиться к активной работе следующего дня. В 7 утра обедаю и ложусь спать.

Он жалуется, что ему всегда трудно начинать работу.

— Иду на все уловки, чтобы не приступить... Обманываю себя, потом все-таки хватаю себя за шиворот и сажаю за стол. Я не знаю ни суббот, ни воскресений, ни отпусков. У меня два состояния: работа или сон.

— В основном вы имеете дело с документами. Как вы создаете зрительный образ героев? — спрашиваю у него.

— Как в кино на экране.

— Кино черно-белое?

— Нет, цветное, с яркими красками. Я вижу их, слышу их громкую речь — только успевай записывать. Иногда во время работы врывается другая тема. И я уже ничего не могу поделать. Я должен подчиниться этому. Например, «Реквием каравану PQ-17» я написал во время работы над «Пером и шпагой».

Работая над исторической тематикой, писатель все дальше и дальше проникает в глубь веков. Его книги о прошлом помогают нам сегодня лучше понять нашу Родину, ее историческое место и роль.

Я спрашиваю о том, какую роль играет, с его точки зрения, исторический роман для современного человека, для нашего многочитающего народа.

— Колоссальную! — восклицает он. — Исторический роман воспитывает человека в духе осмысленного патриотизма. Сегодня нельзя быть патриотом, не опираясь при этом на богатейшее наследие наших предков. Знание прошлого Отечества делает человека богаче духом, тверже характером и сильнее разумом. История воспитывает в нем чувство национальной гордости. Летом 1941 года мы выстояли еще и потому, что нам в удел достался дух наших предков, закаленных в прошлых испытаниях. Патриотизм — это страстное до ярости чувство своей огромной Родины, за которую человек готов драться и отдавать жизнь. Я это видел в войну... Если прочта мои романы, читатель, в первую очередь молодой читатель, проникнется большей любовью к русской земле, к нашей истории, искусству, к русским героям прошлого, я буду считать свою задачу выполненной.

Валентин Саввич часто встречается с читателями, особенно с молодежью.

— Скажите, — спрашиваю у него, — какое впечатление производит на вас нынешняя молодежь?

— В чем-то она похожа на нас, — говорит он. — Только сегодня она владеет техникой, о которой мы в свое время и понятия не имели. Среди них есть, ну, просто умницы. К сожалению, молодежь не вся такая. Терпеть не могу тех, кто долго сидит на шее родителей. Это очень вредно.

...В прошлом году ему исполнилось пятьдесят. Он мечтает о серии романов, которая охватывала бы период с XVIII по XX век. Часть уже написана и опубликована, часть почти готова, часть «еще в чернильнице». Вчерне написан «Фаворит» (о князе Потемкине) и «Нечистая сила» (о разложении самодержавия). Впереди новые романы.

— Чтобы выполнить все, что мною намечено, — шутит он, — мне нужно прожить по крайней мере еще 76 лет.